

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТАНТРИЧЕСКОЙ МАНДАЛЕ

Мандала для людей не той культуры, в которой она существует, т. е. не для традиции ваджраянского буддизма, представляет собой некоторое сложное изображение: либо живописное в цвете, либо трехмерное с некоторыми скульптурами. Некоторые архитектурные сооружения подражают ее устройству, например, величайший буддийский храм Боробудур на Яве. Понятно, что отдельное изображение не может иметь касательства к онтологии – к определенной теории того, что есть на самом деле. И, с другой стороны, а priori понятно здравому человеку, который что-то понимает в культурологии, что отношение к предмету, который я обозначил – нечто нарисованное или, допустим, нечто скульптурно выполненное, – столь же неадекватно, как отношение к балету как к событию, в котором некоторое количество людей на сцене выполняют какие-то физические упражнения, на которые приятно смотреть, а остальные с удовольствием на это смотрят. Это не определение балета. Точно также то, что я сказал, есть не определение мандалы, а только первичное знакомство с нею. Балет понимается знатоком балета, который частично воспроизводит (даже если он сильно не здоров), конечностями то, что выполняют танцоры, воспроизводит как-то в уме, может как-то оценить.

Что такое мандала, понимает человек, которого в мандалу ввели. А введение в мандалу – это одно из звеньев так называемого посвящения (абхишека) в ваджраянские тантры. В результате посвящения человек входит в тот мир, в котором он должен устроиться, в котором ему предстоит выполнить те или иные задачи. Окончательная задача – обнаружить себя как будду. Если он вхо-

¹ Парибок Андрей Всеволодович, канд.филол.наук, доцент кафедры философии и культурологии Востока философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета

дит в мир, и ему дают понимание устройства мира, то, в этом смысле, это оказывается близким к онтологии.

До этого человек все же был в мире. Мы были введены в мир родителями и другими старшими. У нас есть какое-то представление о мире, но это не обязательно будет онтология. Впрочем, некоторое устройство того, как мы находимся в обычном мире, стало предметом изучения философов, по крайней мере, у Хайдеггера – это предмет его фундаментальной онтологии. Хайдеггер выясняет, как человек непременно находится в мире. Во-первых, онтология фундаментальна по Хайдеггеру в том отношении, что она обязательно должна быть, чтобы можно было заниматься онтологией, или, например, заниматься поэзией или юриспруденцией, в этом смысле она фундаментальна. И, во-вторых: можно быть философом, у которого есть какая-нибудь онтология, например, аристотелевская, но при этом совершенно необязательно, что эта аристотелевская онтология (которую я, будучи, например, сам Аристотелем или верным аристотелианцем, считаю правильной), совпадает с тем бытием в мире, которое у меня есть как у человека. Т.е. я не обязан совпадать, даже будучи философом, в ипостасях человека и в ипостасях философа.

При переходе в мандалу мы имеем обогащение или удвоение устройства мира для того, с кем такое событие происходит – для посвящаемого в мандалу. Кратко и символически это представлено на примере схемы такого ритуального предмета, как ваджра. Верхняя половина, допустим, будет соответствовать мандале, в которую вводят, посвящают человека благодаря акту абхишеки – посвящению в высшие тантры. Нижняя – это просто бытие в мире, например, пять блоков устройства психики. Интересно, что они представляются каким-то изоморфным образом. Это первый подход, который нас может предварительно примирить с соположением слов «онтология» и «мандала».

Второе: мандала как изображение в любом случае представляет собой чертеж с некоторым наполнением в виде персонажей, символических атрибутов или некоторых слогов. Это вроде не порядок, потому что, занимаясь философией, мы занимаемся в среде слов со смыслами, а не в среде чертежей.

В математике тоже заметна тенденция переходить в алгебраический ряд и воздерживаться от применения чертежей. Тем не менее, реальное математическое мышление сохраняет пространственное воображение. На этом основании можно сказать, что, может быть, тенденция математиков писать, а не рисовать, идет навстречу требованиям полиграфии (легче набирать). Мышление с помощью пространственной среды и чего-то вроде категорий или смыслов, (которые устроены пространственно вполне рядомоположно и совмещаются), нельзя а priori считать хуже, чем мышление символами языкового типа. И тогда мы можем сказать, что есть такого рода записи – теоретико-множественные, а другой вариант записи – это графическое мышление того же самого. Сами по себе эти обстоятельства есть события в некотором уме, который не чужд математике, они могут отражаться по-разному. Я могу прибегать, будучи знатоком этой несложной части математики, к тому или иному способу работы с данными фактами. И тогда, если это верно, нет принципиальных оснований отрицать с порога онтологичность мандалы из-за того обстоятельства, что мандала дана графически плюс еще что-то и посвящают в нее, объясняют ее смысл, никак не обходясь без графических или пространственных вещей.

Следующий аспект. Грубо говоря, в смысле эпохи культуры мы можем считать современниками Платона с Аристотелем с одной стороны и Евклида с другой. Так вот Евклид, как известно, считал предельной задачей своей книги «Начала» выявление структуры или устройства платоновых тел, т.е. правильных многогранников. Это предельная, основная задача геометрии или вообще греческой математики. Это столь же предельная задача, как онтология в философии. Она занимается пространственными вещами.

На основании разных обстоятельств получается, что философия европейская, ну и индийская тоже, конечно, почти исключительно занимается порождением смыслов или усмотрением и сообщением о смыслах с помощью языка. Гегель прямо говорит: «Мы мыслим с помощью слов». Это честное заявление, что Гегель, а также многие помимо Гегеля, мыслят с помощью слов. Но здесь нет доказательства, что все мыслят с помощью

слов, что нельзя философствовать с помощью еще чего-то, помимо слов. Разными средствами можно мыслить. Эйнштейн (у которого были философские взгляды, хотя он, в общем, не философ), признавался, что мыслит с помощью кинестетических ощущений в мышцах, а потом прибегает к математическим формализмам, чтобы описать то, что у него там находится. Я думаю, он, также как и Гегель, говорил честно.

Получилось так, что мышление с помощью зрительной среды оказалось на периферии, а зрительная среда – это пространство. Вообще философия пространства представляет собой довольно маргинальную область для истории философии. В качестве исключения можно вспомнить разве что «Философию пространства и времени» Рейхенбаха, но это все-таки ближе к философии науки и, в общем, относится к позитивизму.

Если мы вернемся к фундаментальной онтологии, то книга, в которой ее понятия впервые разрабатывается, называется «Бытие и время». Время есть, а пространства нет. Это несколько странно. В последней части труда Хайдеггера мы встречаем разбор фундаментального отношения ко времени, выявление того, что есть обыденно философское отношение ко времени, что оно одно и то же, начиная с Аристотеля вплоть до Гегеля. Он показывает, что это просто переформулировки. Здесь он достиг успеха. Почему бы ни сделать еще шаг дальше и не сказать, что вот у нас есть расхожее представление о пространстве, которое несколько не вполне философское, несколько чувственное или получувственное. Восходит это к тому, что математические предметы согласно Платону с Аристотелем (оба они здесь не спорили), находятся ровно посередине между чувственными вещами и идеями. На самом деле нет, наверное, серьезных оснований считать, что это так. Почему бы (если время, по Хайдеггеру, нашло место в онтологии) не пересмотреть расхожее отношение к пространству в европейской философии и не дать пространству место в онтологии? Эта задача по-прежнему стоит нерешенной.

В ваджраянских мандалах мы имеем разные представленности фундаментальной онтологии, в которую включено и пространство тоже. И пространство там дано в таком виде, что можно считать

это систематически выведенным итогом из присущей нормальному уму системы соответствий, установленных между некоторыми пространственными отношениями и некоторыми, скажем, категориальными или языковыми отношениями. Например, отправная точка – это пространственное нечто; причина – это нечто непространственное. Конечная точка перемещения – есть нечто пространственное, а цель – нечто непространственное. Структура единых значений, во всех языках, в которых нельзя сказать в общем случае, что является основанием переносного значения (т.е. прямое), что является перенесением, свидетельствует о том, что это понимается одинаково. Например, «от чего-то» – это и отправная точка, и причина по-русски. Наличие в мандале пространственности сосуществует с наличием непространства, т.е. с наличием идейных, содержательных, категориальных отношений. И в этом смысле это то, что дано как онтология, сперва зрительным образом, плюс некоторые ключевые слова. Можно было бы это разворачивать в виде нормальной, более привычной в традиции философского мышления, среде слов и понятий.

В 12 параграфе «Бытия и времени» Хайдеггер вводит следующие аспекты фундаментальной онтологии:

- in-der-Welt-Sein – «бытие в мире»,
- in-der-Welt - «просто в мире самом по себе»,
- (das) Seinder - «то, что есть сущее, то которое есть в мире»,
- (das) in-scin – «в-ность», или «в-ство», бытие как таковое.

Хайдеггер, разбираясь в фундаментальной онтологии, занимался первичным уточнением темы, которую он обнаружил. Поскольку его философия (я бы сказал, сансарная), посюсторонняя, то различения этих двух способов, которое было мною заявлено, только в виде толкования ритуальной предметики, пока что у него нет, и это равно соответствует и как структуре нашего бытия в мире, так и бытия в мире человека, который получил введение в мандалу и достигает в ней усмотрения устройства, усмотрения себя как бытия в мандале.

... Хайдеггер (я продолжаю проводить параллели между фундаментальной онтологией и мандалой), отделил терминологически и в содержательном мышлении категории от экзистенциалов. Рассматривается angst – беспредметный страх – и достаточно подробно. Можно сказать, что это все-таки более характерно для протестантского и западноевропейского сознания, чем для других культур. Скажем, для русского, для индийца этот angst явно не таков. В общем, не получилось никакой структуры. Интересно, что варианты, которые мы встречаем в ваджраянских мандалах, могли бы оказать прямое содействие для усмотрения структуры. В современной философии (до тех пор пока она не впала в «игру в бисер», или в той мере, в которой она выходит из «игры в бисер»), проблема структуры прорабатывается отдельно и в русле мышления, тяготеющего скорее к научности, например, структурализм французский, или позитивизм, или те, кто ориентированы на лингвистику, или на логику, или на математику. И, напротив, онтологическая проблематика какая-то до того бесструктурная, и до того она находится только в рамках умно организованных слов, в которых мы не выделили опорные точки... Получается или фундаментальная онтология Хайдеггера, или экзистенциализм Сартра. Соединение ясности с фундаментальностью до сих пор остается задачей. Но, может быть, помогут новейшие французские варианты, если мы будем подходить либо при помощи множеств, либо при помощи категорий.

В мандалах мы это уже имеем, и самое существенное, содержательное здесь – это понятие симметрии, которое отлично разработано в математике. Есть философы, которые думают также как я, что математика изначально занимается тем же, что и философия. Если верно такое мое убеждение, что можно соединить математику и философию в этой области, то понятие симметрии совершенно ясно должно быть включено в инвентарь средств для проработки, говорят на Западе, фундаментальной онтологии и, говорят по-индийски, понимания мандалы.

Мой тезис: мандала, понимаемая человеком, который не ограничивается тем, что работает в ней, будучи в нее введен, но который старается еще и философски осмыслить (т.е. философ-

тантрист) – есть истинное бытие, т.е. то, что есть само по себе, и оно характеризуется симметрией. То, что истинное бытие симметрично, можно эксплицировать так. Всякое сущее само по себе существует так, что его бытие самим собой не отлично от его отличия от других сущих истинно. Или то, что я сказал словами, я могу выразить в виде некоторой формулы.

Пусть у меня есть некий набор. $\{A\}$

Вот это набор истинно сущих. Это есть то, что находит свое место в структуре мандалы. И вот я беру (этих и там некоторое количество), одно a . Оно принадлежит этому множеству:

$$(a \equiv a) \quad (a \neq_1 b) \quad (a \neq_2 c)$$

Так вот, факт того, что a есть само по себе (оно на самом деле есть, оно самотождественно), тождественен тому, что a определенным способом не равно b , другим способом не равно какому-нибудь другому c и так далее.

Это можно пояснить следующим образом. Я отличен от любого из вас абсолютно случайным способом. Вы отличны друг от друга или, например, от вещей в этой комнате разнообразнейшим абсолютно случайным способом – это просто быт, это никакая не онтология. Это разнообразные сущие, каждого из которых могло бы и не быть. Поэтому мы не онтологические элементы, как и вещи в данной комнате. В структуру истинного бытия входят такие нечто, что бытие любого из этих нечто самого по себе не есть один способ описания того, что есть, а другой способ описания этого же обстоятельства – это то, что оно определенным способом, который есть часть бытия его самого, отличен от любого другого нечто, которое находится в этом истинном бытии.

Возьмем некоторое множество. Если со всеми остальными, то получается следующее: выделю из пятиэлементного множества одно и скажу, что этот элемент тождественен самому себе и отличен от всех четырех. Я имею в виду, что он определенным способом отличен от любого из четырех остальных. И эти отличия, и его самотождество есть аспекты описания одного и того же обстоятельства. Интересно, в сугубо языковой форме и как-то

несколько скомкано и сумбурно, это ранний Гегель сказал очень хорошо в формулировке: тождество, тождества, и не тождества. Я акцентирую падежные окончания.

... Имея в виду абхидхармистский подход, мы сталкиваемся вот с каким обстоятельством. У абхидхармистов было различие быта и бытия. Быт – это то, что связано с поведением, а бытие просто связано с созерцанием. В рамках бытия у нас есть множество схем созерцания истинно-сущего – это схемы самонаблюдения того, какие дхармы сейчас «шныряют». Опыт показывает, а размышление доказывает, что невозможно наблюдать за бытием одновременно в нескольких схемах наблюдения. Можно наблюдать за бытием как за скандхами, как за аятанами, как еще за чем-то. Но невозможно одновременно за всем. Наше внимание, или наше бытие, устроено так, что это принципиально не доступно. И всякие истинно-сущие дхармы (абхидхармисты считали дхармы истинно-сущими), даны как элементы самонаблюдения в любой структуре точно такого типа.

Это не было фундаментальной онтологией, потому что абхидхармисты не смогли сделать выводов из того обстоятельства, что наборов дхарм много, что каждая дхарма первична как онтологическое нечто, дана только как элемент набора и нет точки зрения, из которой видны сразу все наборы. Все наборы можно обсуждать в мышлении, но мышление не находится в бытии, мышление находится в умном быту. Онтология ведь не дана в размышлениях. Это размышление об онтологии, а не пребывание в истинном бытии, т.е. неонтологическое пребывание.

А фундаментальная онтология, к которой все-таки, как я понимаю, ваджраяна перешла, получилась благодаря тому, что через откровение (которое мыслится как откровение будды-дхармакаи – совокупности дхарм в некотором внятном облики в некотором представлении (*darstellung*)) дается склейка разных комплектов дхарм, каждый из которых принадлежит одной из схем самонаблюдения, и они накладываются друг на друга, тем самым, давая многомерную и уже фундаментальную онтологию.

Пронаблюдаем какой-нибудь аспект истинного бытия – например, что такое вкус сам по себе. Не вкус, например, борща,

– это быт, а вкус сам по себе. Выявляется структура: кислое, сладкое, горькое, соленое, жгучее, вяжущее, безвкусное в центре (вкус воды), – это вкус сам по себе, остальное – вкус по причастности. Если мы наблюдаем, что такое страсти сами по себе – это аспект онтологии ранней абхидхармы. Не страсть к зеленому чаю с жасмином, или к тому, чтобы выпить коньяку, или поухаживать за кем-то. Выявляется, что у нас есть влечение, отвращение, еще что-то, – некоторый набор. Здесь оказывается, что в откровении нам даны такого рода элементы мандалы, т.е. фундаментальной онтологии, согласно которым, допустим сладкий вкус (который сопряжен бывает с медом или еще с чем-то случайным образом с разными вещами), склеен со страстью (которая бывает сопряжена, например, с женским полом, водкой и еще чем-то случайным образом), а здесь они склеены неслучайным образом; структура фундаментального бытия такова, что сладкое, например, – это страсть. Это не есть конечное и отличное друг от друга. Конечное, т.е. имеющееся в быту, и конечное, согласно обычному западному философскому определению, ограниченное чем-то в своем роде. Это нечто бесконечное, то есть сущее само по себе, в котором сладкое и страсть отличны, например, от соленого и злости, а соленое, оказывается, имеет свойство злости – это и есть компоненты мандалы. Получается, что мандала отличается от обычного мира. Обычный мир устроен, в общем, по Хайдеггеру. Больше структуры и нельзя назвать: я есмь в мире, все остальное достаточно случайно и неонтологично (это есть уже в античности). Например, для протестанта это будет angst, а для русского, мне кажется, нужно ввести экзистенциал «лень».

... Структура обнаруживается, бытие проясняется, когда некое «тебя» и некоего меня вводят в мандалу, когда обнаруживается, что есть не метод бесструктурности, а система противопоставления. Но и она обнаруживается в виде позиционеров: пятерки Победителей (дхьяни-будд) и других персонажей, которые все устроены строго симметрическим образом.

Вернемся еще раз к понятию симметрии. Вот идеальная симметричная система: отношения, которые мы полагаем различающими элементы данного симметрического множества,

таковы, что эти отношения сами составляют множество, изоморфное исходному множеству.

Отличия отличий вещей тождественны вещам. Это означает абсолютную самозамкнутость.

... Еще раз о симметрии. Все пять платоновых многогранников – это тела, которые являются решениями задачи: каковы могут быть устройства симметричного типа, подлежащие самым жестким правилам. Мы накладываем чрезвычайно жесткие условия симметрии некоторой трехмерной конструкции, и получаем пять платоновых многогранников: кубок, тайдер и так дальше. История этой линии, которую начал Евклид, вдохновленный, я думаю платонической философией, длится фактически до сих пор. Есть замечательная статья Вернера фон Хальтберга, которая посвящена «Тимею» и космологии (попытке, выраженной Платоном в «Тимее» создать космологию на основе пяти платоновых тел). Космология – это некая онтология чувственного мира в космологии. И еще существует зрелая формулировка нобелевского лауреата Виднера, крупного физика: вселенную следует рассматривать как некоторое очень большое прямое произведение групп симметрий. То, что нам кажется, что во вселенной есть люди, кошки, клозеты, звезды и так дальше – это кажимость, а на самом деле, т.е. онтологически – это перемножение некоторых групп симметрий. Какого рода математическая структура на это годится, – этим вопросом задаются уже примерно 25 лет в фундаментальной физике. Последний вариант чрезвычайно интересен. Один американский теоретик построил физическую онтологию на основе группы симметрий E_8 , там 248 элементов. Он объединил там все, что можно. Из этого можно выводить всю физику. И есть примерно 23 предсказания, которые, если они оправдаются с помощью коллайдера, будет все как надо. Значит, получится, что физика как физика онтологически будет завершена.

Разные ваджраянские мандалы представляют собою (конечно, являются только представлениями (*darstellung*), ограниченными, но достаточно действенными, с разной степенью действенности, для того, кто их выполняет) эти группы симметрий. Они дают не подлинную структуру бытия симметрического, которая очень

велика и которая, наверное, громоздка, для того чтобы человек даже сравнительно умный мог с этим справиться в созерцании, но неплохое приближение к этой структуре. Благодаря этому в значительной степени усматривается устройство бытия самого по себе. Задача ясна – понять, каково бытие на самом деле, и удержаться на гребне этого понимания, т.е. быть Буддой. Так вот, эта задача, благодаря вхождению в мандалу и нахождению в мандале, тренировке в мандале, упрощается до такой степени, что сильно повышается вероятность постижения этого.

Наверное, мы понимаем, что не существует никаких возможностей для человека решить эту задачу строго формально. Когда мы сводим все задачи строго к формалистике, получается комбинаторика типа «Вторых начал» Евклида, т.е. «Начал» Бурбаки – формальная математика. Получаются доказательства теорем путем перебора на больших компьютерах, и это вообще не человеческое и не мышление.

Как мы, следовательно, должны мыслить, понимать себе успех любой содержательной задачи, которую выполняет ум? Есть средства, которые формализуют некоторую часть, и не только формализуют; они облегчают некоторую часть задачи, благодаря этой формализованности, остальное делается неформализованно, аналогово, умом самим по себе. Если формализация удачна, то она облегчает задачу. Если она неудачна, то она жутко затрудняет задачу, получается путано и нелепо. Вот мандалы дают формализацию человеческого бытия или бытия в мире довольно успешно. Выполняя созерцание мандалы, тантрист получает могучий инструмент, который, наверное, в миллионы раз увеличивает вероятность войти в абсолютно срединное состояние – бытие Будды, и удержаться в нем.

Нельзя считать мандалу завершенной онтологией. Завершенная онтология была бы, наверное, результатом счетного произведения, некоторых групп симметрий, что для человеческого ума невозможно. Это произведение некоторого заметного количества групп симметрий.

Самые трудные и аналитически тяжелые варианты, которые тантрическая онтологическая традиция нам предоставляет, это,

во-первых, конструкция Калачакры, где есть свыше 700 элементов. Такого рода перемножения групп симметрий удерживать практически очень трудно. Во-вторых, еще более сложное, которое существует в одной из школ Шангпа – это перемножение пяти разных вариантов мандал тантр, там еще и побольше. Но, когда я спрашивал одного грамотного тантриста, как это можно удерживать, он сказал, что не в каждом поколении вообще появляются люди, которые могут работать с такой конструкцией. И работают со свернутой моделью; тем не менее, считается, что онтологический инструмент сохраняется.

... В заключение – по поводу понятия онтология. Понятие «онтология» - абсолютно европейское, в этом смысле я говорил «полубеззаконно». Дело в том что онто- – истинное бытие, но второе, -логия – это некоторый результат применения логоса, а логос, как известно, это склейка мышления со словами. Это та самая идеализация, которая характерна для Европы. В Индии, по крайней мере, в ваджраяне, она не имеет силы и представлена возможность мыслить и быть в истинном бытии, не обязательно с помощью слов, но и с помощью геометрических конструкций.

Есть два аналога слова «онтология» в Индии: во-первых, дришти – это систематическое усмотрение того, что есть. И вообще говоря, дришти – это просто «мнение». Когда говорят о мандале, то употребляют выражение шуддха-дришти – «чистое видение», или неслучайное, неэгоцентрическое, неэгоистическое видение. В этом смысле оно подходит под онтологическое видение, потому что другое название онтологии или метафизики – это «божественные дела» (начиная с Аристотеля), – то, что не связано с моим личным. Именно этому будет соответствовать «чистое видение».

Второй термин – это сиддханта, потому что -анта – до конца доведенное, сиддха – то, что для «некоторого меня» вполне удостоверено. Мне удостоверено, что бытие на самом деле такое, в этом смысле будет сиддханта. Важным аспектом любой тантры как сиддханты является некоторая мандала.

Поскольку Будда усомнился (и невозможно опровергнуть его вполне основательные сомнения в том, что онтология – это пре-

дельно серьезный подход к жизни), то нужно добавить, чтобы быть корректным, одно уточнение в духе терминологии Гегеля. Ваджраянская мандала как онтология – это не некоторое усмотрение или знание бытия как оно есть само по себе, а это усмотрения бытия как оно есть само по себе для некоторого меня, который знает для чего он это делает. Это бытие само по себе для меня в некоторых целях, а цели здесь онтологические либо онтоотеургические. Каковы цели? Сделаться буддой, т.е. войти в такой режим, в котором ясно, как все есть на самом деле.